451° ПО ФАРЕНГЕЙТУ

температура, при которой воспламеняется и горит бумага

Иртыш

Электронный вариант:
http://www.f451.kz

Независимая общественно-политическая еженедельная газета N 13 (25) (11 994), лето, 1999 г.

С приложением для Семипалатинска

ЕСЛИ ПАСТА ВЫДАВЛЕНА ИЗ ТЮБИКА, ЧЕРТОВСКИ ТРУДНО ЗАПИХАТЬ ЕЕ ВНУТРЬ.

ГЛАВА ПЕРСОНАЛА БЕЛОГО ДОМА Г.ХОЛДМАН (ПО ПОВОДУ УОТЕРГЕЙТСКОГО СКАНДАЛА)

ТЕКТОНИЧЕСКИЙ РАЗЛОМ

Герольд Бельгер - последний из казахов,

или Креолизация казахского языка

13 июля с.г., выступая на встрече представителей партии «Отан» и партии «Алаш» по случаю предстоящих выборов в парламент независимого Казахстана, лидер последней С.Акатай заявил, что мы, мол, дожили до того, что сейчас уже казах не хочет быть казахом, что казах не хочет изучать казахский язык и что казах забирает своих детей из казахской школы и отдает в русскую. К этим словам ничего не прибавишь. Что правда - то правда. С.Акатай не первый, кто говорит о ней. Но он лидер партии, которая объявила себя правопреемницей «Алаша» образца начала века. Поэтому признание из его уст о том, что чаяния А.Байтурсынова так и не реализовались, очень символично.

Да, так оно и есть. Казах не хочет быть казахом. Этим настроением проникнуто все современное казахское общество. И как следствие, происходит натурализация казахов с традиционным мышлением в казахстанцев казахского происхождения с русским языком общения и подражательно-европейскими культурными и бытовыми стереотипами. Более того, отказ от казахского языка или подчеркивание своей независимости от необходимости его использования - один из ключевых признаков образа современного казаха, добившегося служебного успеха и материального благосостояния. Утверждаю это не как публицист, а как человек, который занимается вот уже около двадцати лет главным образом казахским языком, как автор казахско-иноязычных и иноязычно-казахских словарей, которому часто доводится предлагать свои произведения казахской и неказахской публике на предмет приобретения. Так вот, более всего таким, как я, приходится опасаться людей, которые только недавно вышли из казахскоязычной среды. Потому что именно из этой категории наших сородичей чаще всего появляются типы, которых хлебом не корми, дай только во всеуслышание поиздеваться над казахским языком и над теми, кто имел неосторожность обратиться к ним с языковым вопросом. Недавно, к примеру, я имел весьма запоминающуюся беседу с одной казашкой, которая является одним из руководителей небезызвестной в Алматы фирмы. Она с ходу принялась ругать меня за то, что, предлагая свои казахские книги, я отрываю ее от работы. Поскольку фирма эта занимается торговлей, в том числе и книжной, я выразил удивление: разве встречи с теми, кто приходит предлагать свой товар, не есть часть этой самой работы? В ответ я услышал столько откровенных оскорблений в адрес казахского языка и тех, кто с ним возится, что растерялся и быстро ретировался. Из ее слов я понял одно: она сама является выпускницей факультета казахской филологии и тем не менее ненавидит всех тех, кто поднимает проблему казахского языка. Так как считает, что такие чрезмерные люди могут пытаться зарабатывать себе на жизнь таким образом. Что же, быть может, она права...

Ведь самая большая трагедия казахского языка в настоящее время заключается в том, что он отдан на откуп личностям с маргинальным сознанием, если рассматривать их интеллектуальный потенциал с точки зрения жизни общества во всей ее полноте и многообразии, личностям, которые вместе с тем невежественны даже с позиции знания элементарных нормативных основ этого самого родного для них языка. Трагедия же самих людей названной категории (в основном это честные, искренне желающие процветания родной речи люди, действия которых искусно дирижируются своекорыстными карьеристами из числа представителей этнокультурной элиты, их уже неказахскоязычных отпрысков) в том, что они не сознают такого очевидного факта: чем больше рвения они проявляют, тем больше ухудшается положение государственного языка.

Усугубляет ситуацию и общепринятое, но ложное представление, будто бы среди казахов широко распространено классическое двуязычие. **На самом же деле есть русскоязычие и есть казахскоязычие, которое в реальности означает второсортное русскоязычие.**

Проблема выживания языка - это прежде всего проблема духовного состояния его носителей. Наивна убежденность в том, что суверенитет нации, статус государственного языка и ограничительные меры в отношении других языков могут помочь решить эту проблему. Законы развития и распространения языков не подчиняются воле политиков. Пример Ирландии - тому прекрасная иллюстрация. Мы знаем, сколь долго и упорно боролись ирландцы за независимость от британской короны. Между ними и англичанами были не только этнические и языковые, но и религиозные различия. В начале XX века Ирландия обрела независимость, а ирландский язык - статус государственного языка. И что же? К середине 70-х годов этим языком владели всего 50 тысяч человек, да и то в основном пожилые люди. А в Ирландии ирландцев практически нет. Но к настоящему времени нет уже практически и ирландского языка. Людей, владеющих им, не осталось, несмотря на то что он в Конституции по-прежнему фигурирует как государственный язык. А вот Уэльс - всего лишь административно-политическая часть Великобритании. Его коренные жители валлийцы никогда всерьез не помышляли о суверенитете, да и не было у них особых противоречий с англичанами. Тем не менее из 700 тысяч валлийцев 500 тысяч прекрасно владеют валлийским языком.

Язык - это не набор слов, а прежде всего оригинальная, присущая определенному народу система мышления. В комплексе он означает отражение в символах всего психофизического опыта этого народа на всем протяжении его истории. А слова, они всего лишь орудие, посредством которого осуществляется функционирование языка. Когда они отрываются от психофизического ядра, которое лежит в основе оригинального мышления или мировоззрения данного народа, и начинают, по сути дела, отражать чужую систему мышления, или же, проще говоря, проявлять себя как переводы иностранных слов, язык этот умирает.

По пути, схожему с ирландским, идет сейчас казахский язык. Но, в отличие от этого кельтского языка, его обходят, похоже, не исчезновение, а креолизация по типу языка гаитян. То есть превращение во второсортную тень определенного развитого языка. В случае гаитян этот язык - французский, а в нашем же - русский. **Так происходит тогда, когда у народа не хватает воли, интеллекта для приведения своего языка в соответствие с требованиями времени, а иначе говоря, полной его систематизации с учетом имеющихся условий.**

Казахский язык в его нынешнем виде уже не является самобытным. Скорее о нем можно говорить как о лингвафранке. Что это такое? «Лингвафранк» - это вспомогательный или компромиссный язык. В качестве примера можно привести меланезийский **пиджин-инглиш**, возникший и ныне получивший большое распространение на островах южной части Тихого океана. Характерными чертами его являются упрощенность грамматических форм и ограниченность лексического запаса. Когда такой «пиджин» или какой-нибудь другой вид лингвафранка в качестве средства общения заменяет оригинальный язык местного населения, о нем уже можно будет говорить как о креольском. Казахский язык в нынешнем его виде отличается от классического лингвафранка. Но не столько в характерных чертах, сколько в исходных параметрах и функциях.

Сегодня разговорный казахский можно было бы рассматривать как подлинный лингвафранк в том случае, если бы он как-то служил общению народов Казахстана. Но у него, стремительно теряющего изначальные качества, нет даже такой функции. Ее выполняет русский язык. А казахский язык, несмотря на видимость оживления, идет своим прежним путем, который ведет к креолизации.

А кто же из ныне живущих соответствует представлениям А.Байтурсынова о том, каким должен быть настоящий казах. По-моему, сейчас таким можно назвать **только Герольда Бельгера**, который прекрасно знает казахский язык, всей душой болеет за него (потому что работе, связанной с казахским языком, он посвятил всю свою жизнь) и в то же время является современным, прогрессивным человеком.

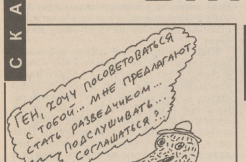
В 1913 году в передовой статье для самого первого номера газеты «Казак» выдающийся просветитель, один из основоположников современного казахского языка Ахмет Байтурсынов, ставший впоследствии также одним из лидеров партии «Алаш», сказал так: «Название нашей газеты - «Казак». А цель наша - сохранение наших национальных особенностей». Он и его соиздатели видели свое назначение в борьбе за сохранение казахского языка, культуры и истории. Они воевали с ассимиляционистами в среде своих сородичей. И вот тогда А. Байтурсынов сформулировал и оставил для последующих поколений такую задачу: «Можно и нужно быть казахом, говорить по-казахски, являясь в то же самое время современным, прогрессивным человеком».

Ахас ТАЖУТОВ

СКАНДАЛ

Со скрытой камерой – в... «XXI век»?!

По каналам казахстанских средств массовой информации зажужчали ручейки компромата. Близятся парламентские выборы, с которыми связывают свои надежды и власть, и оппозиция... На этот раз грязный ком полетел именно в представителя СМИ – главного редактора популярного еженедельника «XXI век» Бительды Габдуллина.



21 июля текущего года телеканал КТК в вечернем выпуске новостей представил миру шекочущий нервы сюжет оперативной видеосъемки. Б.Габдуллин получает от неизвестного (в кадре видны только руки) деньги. Комментарий телеведущего не оставляет сомнений, от кого и за что получил деньги редактор газеты: *«Совмещать оппозиционность с получением денег от соответствующих органов – такого цинизма мы еще не видели. Не знаем, является ли редактор «XXI века» штатным или внештатным сотрудником и по уставу или по зову сердца он отдает честь своему куратору. Главное - честь он отдает профессионально и, судя по толщине пачки денег, недешево».*

Расплывчатость формулировки «соответствующие органы» граждан нашей страны не введет в заблуждение, ибо исторически это словосочетание подразумевает спецслужбы, а именно КГБ, а ныне – КНБ РК. Сам г-н Габдуллин так прокомментировал свое неожиданное появление на экране: «В сюжете... речь идет о законной сделке с моими сочредителями: момент получения денег за 20-процентную долю в уставном капитале моей частной фирмы ТОО «Биг ель». А это, как известно, носит чисто гражданско-правовой характер». Подоплека же этой съемки выглядит следующим образом. Одно высокопоставленное лицо очень настойчиво еще с прошлого года хотело приобрести долю в ТОО "Биг ель", речь сначала шла о 50%. Более того, на счет фирмы, а по сути на счет газеты как таковой, переводились солидные суммы. Однако эти деньги, «упавшие с неба», буквально в течение нескольких дней отправлялись обратно. В конце концов переговоры, инициатором которых было то же самое высокопоставленное лицо (имя которого пока держится главделом в секрете), увенчались продажей 20- процентной доли. Именно эту приватную сделку и увидели телезрители. Ловушка сработала, обыкновенная финансовая сделка стала основой для компрометации, но уже с политическим оттенком. Причем о том, что ее зафиксировали на видеопленку, Б.Габдуллин знал уже 19 июля. Так как ее ему показали, присовокупив при этом угрозу, что если Габдуллин не «снизит остроту» в подаче газетных материалов, то съемку обнародуют через электронные средства массовой информации. Что, собственно, и случилось. Только исчезли лицо собеседника Б.Габдуллина и запись звука.

Ситуация выглядит достаточно запутанной. В данном случае, по мнению известного правозащитника Евгения Жовтиса, в качестве инструмента шантажа используется заведенный ход: все строится вокруг видеозаписи, сделанной неизвестно кем, неизвестно где, с участием людей, которых ни одна из сторон не желает открыто назвать. Если съемку не производил сам КТК, то ее сделали «соответствующие органы». Тогда сразу же встают вопросы: было ли дано разрешение на оперативную съемку? в связи с чем они вообще производились? существует ли уголовное дело или это проверка по газете и ее редактору? и кто же все-таки передал эту пленку КТК?

Когда тележурналист КТК читал текст о том, что «первое желание было положить кассету на полку. Но затем мы решили, что это будет нечестно перед обществом», зрители как часть общества вряд ли разделили гражданский пафос ведущего. Начисленный опытом прошлой политической кампании – досрочных президентских выборов в «мыльных опер» в эфире с участием колоритных кандидатов, наш зритель не торопится проглотить телекашку от КТК, ожидая дальнейшего развития событий.

Итак, все мы стали зрителями очередного политического спектакля, режиссеров которого пока нет в титрах и программах предвыборной кампании. А Бительды Габдуллин как герой, который вышел из-под контроля авторов первого тайма предвыборного шоу, в очередной раз из «плохого малого» (разумеется, только для властей и «НПО») превращается в «страстотерпца-оппозиционера», зарабатывающего себе политические очки даже на таких, в любом случае сомнительных для любой публичной фигуры, моментах. Необходимо сказать и другое: что во всей этой антигабдуллинской акции нет никакой логики и что КТК выглядит идиотически со своими намеками на «соответствующие органы». Возможно ли, чтобы спецслужбы сами сдавали своих агентов? Чтобы еще четче представить алогичность такого хода со стороны «куратора», представим себе такую коллизию: скажем, во время войны генералиссимус сдает противнику всех своих завербованных агентов в его стане. Только лишь затем, чтобы досадить фюреру! Глупо? Чем же в таком случае занимаются наши «соответствующие органы»?

Екатерина СЕМЕНОВА

ПРЕДЕЛЫ ВЛАСТИ

Размышления в преддверии выборов

В преддверии парламентских выборов остро стоит, пожалуй, один вопрос - каким же образом можно добиться успеха на предстоящих выборах в мажилис? В этой связи, на наш взгляд, чрезвычайно актуальными являются уроки, которые можно извлечь из недавних президентских выборов. Участниками президентских выборов, как известно, были Нурсултан Назарбаев, сенатор Энгельс Габбасов, экс-руководитель Таможенного комитета Ганн Касымов и лидер коммунистов Серикболсын Абдильдин.

Победил Нурсултан Назарбаев, который для достижения успеха мобилизовал весь государственный аппарат, огромные финансовые ресурсы (по разным оценкам - в несколько десятков миллионов долларов) и артистическую общественность Российского государства. В результате президент был переизбран на новый срок. Какова же цена этого успеха? Критические отзывы со стороны Запада и международной общественности, обвинения в нелегитимности, скрытое недовольство электората и ряд ярких оппозиционных настроений. **Предвидел ли Нурсултан Назарбаев такие последствия? Скорее всего да, но серьезно не брал их в расчет.**

Авторитаризм не всегда бывает легитимным и, как правило, не является таковым, и даже более того, не всегда нуждается в своей легитимации. Но объективно в легитимации режима заинтересованы более всего политическая и бизнес-элита и особенно предполагаемые политические наследники режима, которые всегда будут нуждаться в легитимации своего богатства и власти. Если режим нелегитимен, то подрывается стабильность политического бытия, первоначального накопления капитала и институтов собственности. До тех пор пока власть является основным источником богатства и собственности, политическая и экономическая элита нуждается в своей легитимации, конституировании и закреплении своих прав. Только тогда на смену власти как источнику богатства может прийти сила закона, окончательно подтверждающая сложившееся статус-кво.

Поэтому итоги президентских выборов можно оценить как локальную и тактическую победу лично Нурсултана Назарбаева и его имиджмейкеров, но и как очень серьезное поражение его политического окружения и особенно его наследников, над которыми всегда будет витать тень нелегитимности их основателя, а следовательно и их богатства и власти. Данная нелегитимность еще не раз станет камнем преткновения и причиной многих последующих конфликтов как по поводу распределения власти, так и по поводу собственности, богатства и законности их приобретения.

(Начало. Окончание на 2-й стр.)

«МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ»

Эхо от отозванного правительством из стен парламента законопроекта «О земле» продолжает греметь. Группа иногородних женщин, объявившая голодовку в здании Дома демократии (г. Алматы) в знак протеста против самой такой идеи, как продажа земли в частную собственность, не намерена пока прекращать ее. О серьезности своей акции они вновь заявили журналистам в связи с тем фактом, что одной из голодавших в конце недели совсем стало плохо. Как свидетельствует сопровождавшая ее туда председатель Алматинского городского совета РНПК Лира Байсеитова, ее повезли в больницу, но там ей не было оказано никакой помощи, ввиду того что ни у кого в тот момент не оказалось денег, чтобы оплатить... одну инъекцию.

***

Отпраздновав собственный день рождения (ровно три недели тому назад), президент, как известно, отправился в краткосрочный отпуск. Отдохнув (судя по сведениям заграничных СМИ) в швейцарских Альпах, глава государства со свежими силами принялся за отложенные дела. Однако прибыв в Астану, он не узнал собственной юной столицы. Люди, машины, дороги, фасады зданий оказались покрыты живым ковром из саранчи. На радость сельчанам и астанинцам президент таки высказал министру сельского хозяйства Джанибеку Карибжанову свое личное, а значит, и народное недовольство работой означенного ведомства. Саранча время даром не теряет и готова штурмовать рисовые чеки в Кызылординской области. Там со страхом ждут ее миграции из расположенной северо-западнее Актюбинской области.

***

Космический инцидент с российским «Протоном» имел порой совершенно странное отображение в наших доблестных электронных СМИ. В передаче «Дословно» телеканала КТК неизвестный никому ведущий взялся вдруг подсчитывать разночтения в цифири, опубликованной в печатных СМИ страны, по поводу тоннажа распыленного над Казахстаном гептила. В числе «штрафников» были названы такие серьезно толстые еженедельники, как «Деловая неделя» и «Новое поколение». Но прежде чем кого-то ловить на неточностях, следовало бы самому быть в этом смысле безупречным. Устами своего комментатора КТК упрекнул газетчиков в том, что все их данные по гептилу расходятся с официальной точкой зрения. После чего на экране появился директор Национального аэрокосмического агентства, озвучившего свою информацию по гептилу. Только его фамилия, возникшая в «катэковских» субтитрах, читалась почему-то как «Молдабаев», в то время когда шеф агентства носит другую фамилию - Молдабеков.

***

Кто бы ни стал в ближайшем либо далеком будущем премьер-министром республики, у него точно не будет голова болеть о нахождении финансов для строительства головного правительственного офиса в Астане. Эмир Кувейта в своем послании президенту страны сообщил, что еще 6 июля, т.е. в день рождения Нурсултана Назарбаева, он подписал распоряжение о выделении 10 млн американских долларов в качестве безвозмездной помощи для строительства здания правительства в новой столице. Надо думать, что когда все технические вопросы будут утрясены, то от момента закладки первого камня до сдачи под ключ не пройдет семь священных лет, как в случае строительства соборной мечети в Алматы, на нужды которого арабские шейхи тоже не скупились. И Астана быстро приобретет еще одно красивое и, что немаловажно, совершенно новое, а не перелицованное архитектурное сооружение.

***

Трагически погиб заместитель акима Карагандинской области Игорь Богатырев. Основная версия – суицид. В числе причин, которые могли так или иначе повлиять на такой исход, называют нахождение покойного в правительственной комиссии по определению ущерба от недавней космической аварии. Вроде как И.Богатырев не стал ставить подпись на документах, связанных с этой комиссией. Но ни эта причина, ни другая, связываемая с процессом приватизации в Караганде и области при правлении предыдущего областного акима, не выглядят адекватно, если исходить из истинного положения молодого чиновника в карагандинской властной иерархии.

***

Политический истеблишмент страны лишился одной из самых колоритных и весомых своих фигур в старшей возрастной группе. Скоропостижно скончался академик НАН РК, 16 лет (с 1970 по 1986 г.г.) возглавлявший КазГУ, когда-то главный вуз страны, председатель Комитета по социально-культурному развитию мажилиса парламента РК Умирбек Джолдасбеков.

Акежан КАЖЕГЕЛЬДИН

Статья вторая. Кто мы? Куда идем?

В первой, вводной, статье этого сериала я попытался обосновать важность теоретического, в нормальном смысле этого слова, идеологического взгляда на вещи. Я хотел показать, что без ясного стратегического видения ситуации и перспектив, без смены основополагающих ориентиров нам бессмысленно ждать и каких-либо реальных практических изменений. Не разобравшись всерьез с идеями и словами, мы никогда не сможем перейти к сколько-нибудь эффективной, а главное, осмысленной и последовательной работе с реальностью.

Если мы хотим что-то всерьез изменить в себе, в своей жизни, сначала надо самоопределиться в существующей реальности, понять, кто мы есть на самом деле **в данный момент**, что наше общество и государство представляют собой **здесь и сейчас**. Если мы намерены корректировать курс, надо сначала выяснить и честно признать, **каким курсом мы следуем в настоящее время**, причем **не на словах, а на деле**.

На эти вопросы важно ответить откровенно, с предельной честностью, какими бы малоприятными ответы ни были. Ведь прежде чем отвечать на вопрос, «как нам обустроить Казахстан», надо всерьез разобраться с тем, **как именно, в каких условиях, какими средствами** мы можем и намерены заниматься обустройством своей страны, что именно нам на этом пути придется преодолевать.

Я твердо убежден, что от того, как мы ответим сейчас на эти вопросы, самым прямым, непосредственным образом зависит будущее Казахстана, будущее всех нас.

***

Итак: **кто мы? куда идем?**

Ответы на эти основополагающие вопросы, на мой взгляд, пока отнюдь не очевидны.

Об этом приходится говорить специально, поскольку ни в одной стране на территории бывшего Союза в настоящее время не тратится столько сил и ресурсов на то, чтобы создать впечатление полной определенности по части государственной идеологии, стратегического видения процессов и перспектив. На фоне наших соседей - постсоветских государств, включая Россию, - Казахстан выглядит просто кунцией особо долгосрочных программ, фабрикой по производству толстых идеологических документов, громких, широко рекламируемых инициатив стратегического характера.

Нигде по соседству не прилагается столько усилий, чтобы создать впечатление, будто руководство страны, во-первых, имеет четкий и долгосрочный план, знает, что надо делать и куда вести народ, а во-вторых, ведет страну не куда-то в сторону и в туман, а именно тем курсом, который широковещательно продекларирован и предначертан в официальных документах.

Поэтому начинать идеологический разговор «с чистого листа» можно где угодно, но только не у нас.

В модели, которую предлагают «городу и миру» государственная идеология и пропаганда, в первую очередь бросается в глаза один не вполне обычный момент. Это интересное совпадение характеристик существующего положения, с одной стороны, и отдаленных целей нашего общественно-политического развития – с другой. Судя по официальной риторике, выходит, что по степени цивилизованности и уровню демократического развития **мы уже есть то, чем нам еще только предстоит стать**. Получается, что общественно-политическая система Казахстана как бы прыбывает в двух временах сразу: в будущем и в настоящем. По одним вершкам мы находимся чуть ли не на начальных этапах долгого и трудного строительства того, чем по другим оценкам той же самой идеологии мы уже давно и безоговорочно являемся.

Именно это противоречие позволяет нашим властям одновременно и изображать из себя политиков современного, цивилизованного уровня – и оправдывать разного рода политические непристойности, порой просто вопиющие.

Кроме того, здесь явно действует **двойной стандарт**. Для внешнего пользования, для окружающего мира мы обычно представляем себя открытым обществом, уже вполне цивилизованным, свободным и законопослушным государством. Но для внутреннего употребления, то есть для людей, хорошо знакомых с положением в стране, причем не по официальным текстам, а по жизни, у нас заготовлена совершенно другая идеология. Здесь акцент делается на политической и правовой **недоразвитости** нашего общества и народа, которую предстоит якобы еще десятилетиями преодолевать под водительством нынешнего уже вполне развитого руководства.

Да и внутри страны в зависимости от потребностей политической конъюнктуры мы могут почти одновременно утверждаться вещи, несовместимые друг с другом ни логически, ни по жизни. По мере надобности у нас могут, не красиея, утверждать, что мы **уже** являемся оплотом демократии и правопорядка в регионе – но при этом тут же, буквально через слово, впадать в пространные рассуждения о том, что путь к демократии долог и труден, что наше общество еще только начинает дозревать до того, чтобы не во вред себе пользоваться гарантиями гражданских свобод и подлинного народовластия.

Но как только выясняется, что с выполнением этих требований у нас, мягко говоря, не все благополучно, официальная пропаганда тут же переворачивает пластинку. Ангажированные властью теоретики и пропагандисты заводят туземные песни про «особый путь», которым якобы выпало следовать Казахстану, про неповторимые прелести казахстанского «евразийства», про нестандартность и неразвитость нашей политической культуры (которую мы, как выясняется, не только унаследовали из прошлого, но и намерены сохранить в настоящем и даже культивировать в будущем).

Если существующий в нашей стране политический порядок еще нельзя назвать нормальной среднеразвитой демократией, то **что это такое на самом деле? И как это называется?** И тогда окажется, что либо мы до сих пор беззастенчиво лгали насчет собственных демократических завоеваний, либо эволюционировали все это время в прямо противоположную от демократии сторону. Либо и то, и другое.

***

Казахстан в этом случае сразу же переходит из одного политического «семейства» в другое, меняет своих политических «родственников». Придется отвечать на простой, но разоблачительный вопрос: все же **кому именно**, каким государствам мы, хотя бы приблизительно, соответствуем по уровню своего правового развития, по степени политической цивилизованности?

Пусть это не Европа и не США. Но, похоже, также и не Прибалтика, и даже не Россия или Украина. Отличаемся ли мы в этом отношении, например, от Белоруссии, а если да, то в какую сторону? Не пора ли нашему государству подыматься и достичь хотя бы тех «высот» демократии и законопорядка, которые освоены в Белоруссии и еще не попраны А.Лукашенко? И как именно мы выглядим на фоне государств Кавказа, наших соседей по Центральной Азии? Как у нас обстоят дела с выборностью и ротацией центральной, верховной власти на фоне, скажем, Армении или Грузии? И как наши политические реалии соотносятся с тем, что имеет место в Узбекистане, Таджикистане или Туркмении? Или нам уже впору выстраивать аналогии своей политической биографии с Ираком, Сирией, Индонезией, Малайзией, Филиппинами?..

Далее. Придется отвечать на вопросы, связанные с тем, каковы же **истинные причины** столь серьезных отклонений от общепризнанных, а главное, нами же самими декларированных норм цивилизованной политики. В том числе придется ответить на жесткий, даже жестокий вопрос о том, кто именно является здесь основным препятствием **в социальном плане**. Какие именно социальные группы и политические силы своей «недоразвитостью» не позволяют нам (то есть всем остальным) уже сейчас жить в цивилизованном, демократическом обществе? Попросту говоря, **кто эти люди**, из-за которых все мы якобы вынуждены еще десятилетия блуждать по пустыне авторитаризма, из-за которых в нашем «евразийстве» еще долго, а главное, на законных, теоретически удостоверенных основаниях будет преобладать давно устаревшая азиатчина?

Когда нас пытаются убедить в том, что Казахстан не готов к жизни в условиях развитой или хотя бы обычной, более или менее стандартной демократии, обычно употребляют туманное **«мы»** («мы не готовы»). И эта риторика далеко не случайна. Чисто психологически создается удобная путаница. Мы – это «все вместе», своего рода среднее арифметическое нашей совокупной, якобы общей и равномерно распределенной цивилизованности или, наоборот, недоразвитости.

Государственный деятель, употребляющий такого рода обороты, выглядит даже по-своему благородным и великодушным. Он говорит «мы», только чтобы не сказать людям «вы», чтобы предъявлять претензии и раздавая нелестные характеристики, не сказать своему народу «ты» с высоты своей личной цивилизованности.

Эти «вежливые» эвфемизмы на самом деле оскорбительны для морального и психического здоровья нации. Если у нас и есть какой-то социально-политический балласт, своей неразвитостью не дающий нынешним властям соблюдать хотя бы стандартные, элементарные политические правила, власть должна **прямо и без обиняков указать** на эти социальные группы, на эти общественно-политические силы, независимые инициативы и т.п. И сказать это придется не в пустое пространство, но **глядя в глаза самим этим людям!** А далее пусть уже сами люди решают, кто в действительности, страдая политической отсталостью, тянет наше общество назад: народ или пытающиеся его воспитывать представители режима.

Отсюда логически вытекает следующий вопрос: если наше общество пока еще неполноценно в плане своего политического и гражданского развития, то **кто именно** будет все это время его воспитывать, постепенно вводя в мир элементарных правовых норм и цивилизованных политических отношений? Это вопрос, симметричный предыдущему: **кто эти люди**, которые в своем политическом и нравственном, правовом и гражданском развитии настолько обогнали остальное общество (проще говоря, свой собственный народ), что им якобы выпала историческая миссия учить других? Кто эти люди, которые в долгом ожидании, пока остальные сограждане дорастут до демократии, «вынуждены» якобы вопреки своим принципам и желаниям то и дело отходить от закрепленных законом демократических процедур? И откуда у нас, на территории современного Казахстана, вообще взялись эти «политические инопланетяне», вознамерившиеся насаждать отсталой части человечества цивилизацию более высокого уровня?

Но даже если мы согласимся с тем, что кто-то в обход нормальных демократических процедур будет нами руководить, обучая демократии по своему усмотрению и в удобные для себя сроки, возникнет неизбежный вопрос об искренности своих благих намерений. Чем в действительности озадачена власть: внедрить право или приучить народ и дальше жить в бесправии? Развить свободу или свернуть то, что от нее осталось?

***

Речь идет о том, чтобы выявить в риторике власти главную идейную **интенцию**, направление основного идеологического, пропагандистского **усилия**.

Если эти намерения искренни, то остаточная недемократичность нашего общества должна быть главной **проблемой**, поднимаемой властями и обсуждаемой в обществе. Альтернатива простая. Либо мы каждое отклонение от общепризнанных демократических норм воспринимаем как ЧП, как недопустимую ошибку, а то и как преступление против существующего законодательства. Либо, наоборот, используем всю мощь идеологических служб и пропагандистской машины для того, чтобы оправдать эти отклонения, успокоить самих себя и всех окружающих тем, что эти «отклонения» якобы не меняют сущности режима. И даже оправдать эти отклонения нашей переходной спецификой.

В самом деле, чего мы в конце концов добиваемся: серьезной идеологической работой: осуждения и преодоления патологии или, наоборот, признания ее за норму?

Легко убедиться, что именно этой задаче - задаче **нормализации патологии** - подчинены многочисленные рассуждения о «евразийстве», «особом пути» и прочих материях, которые в изобилии поставляет наша идеологическая индустрия.

***

Называя наше государство **Республикой** Казахстан, мы уже приняли на себя совершенно четкие обязательства по обеспечению подлинного народовластия.

И никакая историческая, национальная специфика, никакие «консенсусно-иерархические» традиции не могут служить оправданием, если народ лишается реального выбора, а власть станет над обществом.

Идеология государства может и должна учитывать наши исторические и национальные особенности. Но при этом она должна отвечать на вопрос, как в этих условиях **выполнить** демократические обязательства перед народом и миром, а не оправдать разного рода уклонения от неукоснительного выполнения этих обязательств.

(Продолжение в следующем номере)

РЕЗОНАНС

Свистят они, как пули, у виска... Фрагментики и пр. фрагменты

Статьи С.Дуванова и Ю. Кирипициянова, появившиеся в одном из летних номеров «Фарангейта» (№11), явление не совсем обычное. Затравкой полемики стало мнение старейшего оппозиционного казахстанского деятеля, в который раз жестко «наехавшего» на президента страны. После чего свое несогласие с тем, что С.Дуванов все казахстанские беды связал только с именем г-на Назарбаева, высказал не менее известный в сфере распространения информации человек, один из старейшин журналистского цеха республики Ю.Кирипициянов.

И как это в таких случаях нередко бывает, отклик на первоисточник породил новую реакцию, в какой-то мере уже отвлеченную от того вопроса, который непосредственно поставил С.Дуванов.

Оставим в стороне все пассажи, так сказать, чисто политического характера и непредвзято взглянем на то, как же обходится г-н Кирипициянов с конкретными вещами? Сразу скажем: весьма вольно, как черт на душу положит.

Цепко ухватившись за дуванобскую фразу «сельское хозяйство тихо умирает», он вопрошает: **«Позвольте, а какое сельское хозяйство следует реанимировать? Уж не то ли, где «все вокруг колхозное, все вокруг мое»?** Прочтя все это, не грех восклицнуть: «Позвольте, а что Вы сами под этим имеете в виду!?». Ведь, несмотря на все издержки колхозного строя, стоит ли так уж высокомерно его ругать, если былой материальной базой (тракторы, сеялки, вялки, кошары, водоналорные башни и т.п.) до сих пор еще пробавляются крестьянские хозяйства? Да, кто же спорит, товарное сельское производство было у нас затратным, неэффективным (так, по крайней мере сегодня, принято говорить), но оно, при СССР, наличествовало. Между прочим, и в Казахстане - тоже.

Существует масса объективных факторов, совершенно далеких от политических реалий, но напрямую влияющих на возможности той или иной страны иметь столь развитое сельское хозяйство, которое бы могло обеспечивать не только внутренний рынок, но и быть, в той или иной степени, конкурентным на внешнем рынке. Скажем, оказавшись вне народнохозяйственного комплекса СССР, наше сельское хозяйство в целом оказалось несостоятельным в качестве полноценного товарного производства. И похоже на то, что каких-то перспектив у казахстанского сельского хозяйства почти нет. Почему? Да потому, что, во-первых, Казахстан, за исключением обширных своих областей, расположенных на севере, северо-востоке и юре, практически не приспособлен для культивирования злаковых, на чем зиждется товарное сельское хозяйство. Львиную долю территории республики занимают пустыни и полупустыни. В некоторых районах осадки выпадают раз в год. Зона рискованного земледелия – это не про Северный Кавказ, а про Казахстан было сказано агрономической наукой. Во-вторых, Казахстан, будучи континентальной страной, далеко отстоит от мировых рынков, не говоря уже о других проблемах в этом направлении. А житницей Казахстан считался, напомним, по той простой причине, что на целинный урожай работал весь Союз. Следовательно, кишка тонка у нынешнего Казахстана «реанимировать» свое сельское хозяйство!

Далее по тексту г-н Кирипициянов приводит свои впечатления, основанные на командировках. По ним выходит, что, несмотря на **«безвесть, уныние, разруху»**, царящие в сельской местности, есть и впечатляющие примеры того, что, если **«человек на селе не пьянствует и не ленится, он может жить вполне достойно и прилично»**. Оказывается, существуют на свете семь братьев Тлеубаевых, которые имеют **«отару в 200 баранов да еще 200 коров. Выращивают пшеницу, люцерну, разводят рыбу в пруду, выпекают хлеб. И, честно говоря, не стремятся обратно в «коммунаурановительный» рай»**. Следуя этой логике, можно подумать, что остальная часть сельских жителей вокруг удалых братьев на корню спилась и лежит поплевывая в потолок. Но даже если это и так, хотелось бы спросить, зная специфику казахского быта и хозяйствования после разгрома колхозов: а возможно ли еще кому-то в том же ауле иметь 200 и более голов любого скота? Если взять проблему шире, то отгонное животноводство в отсутствие средств у разобщившихся аульчан сегодня невозможно и выпас частного стада происходит вблизи поселков. В это означает одно: десять семей на полторы тысячи жителей не могут держать стадо в 200 баранов, 200 коров и т.п. Элементарно - вокруг населенного пункта не хватит подножного корма. К тому же дальние покосы для сельчан также стали проблемой. Хотим того или нет, но исчезновение товарного сельского производства, пусть даже по социалистическим меркам, обернулось для казахских сел и аулов нищетой и деградацией. Стоит задуматься, какую же идиллию воспевает г-н Кирипициянов, ставя всем в пример опыт семи братьев? По сути дела, он призывает заняться... натуральным хозяйством. Самим пасти скот, самим ухаживать его от барымтачей, самим выращивать, самим выпекать и поедать хлеб свой насущный и далее по списку – самим выделывать шкуры, самим делать одежду и обувь, словом, назад в XIX век. И такая «дарово-хочевая» идея, возводимая в общенациональную, толкается на пороге XXI века! Но как быть тогда с разделением труда, без которого не существует современного общества? К тому же давно уже нет прежней раздольной казахской степи, она сегодня испорчена гептилом и прочим космическим хламом, а древние кочевые маршруты перечеркивают железные дороги, газопроводы... Но ведь на то и существует государство, чтобы поддерживать селчанина, фермера, тем самым освобождая большую часть населения от тяжелого сельскохозяйственного труда, позволяя сыну чабана проявлять себя в других сферах.

Самое печальное заключается в том, что все, о чем здесь было сказано, прекрасно понимает и сам Ю.Кирипициянов, квалифицированный журналист, просвещенный человек. Но зачем, пусть даже в полемическом задоре, так передергивать? Зачем путать божий дар с яичницей, то бишь товарное сельское производство с натуральным хозяйством? Ведь когда Дуванов говорил о сельском хозяйстве, судя по контексту, он подразумевал экономическую отрасль, а не личное подворье. Резюме: «сельскохозяйственный» фрагмент пропрезидентской статьи г-на Кирипициянова - абсолютно фальшивая нота!

Джанибек СУЛЕЕВ

P.S. *Уважаемый г-н Кирипициянов сравнил президента с пианистом в салуне Дикого Запада и напомнил классический миф: «...как гласит легенда этого сурового края», там «обязательно присутствовала табличка: «Не стреляйте в пианиста. Он играет, как умеет...». Я применил бы его блестящие исторические аллюзии не к персоне главы государства, а к нему самому. В моей интерпретации следующий слог звучал бы таким: «Но нередки были случаи, когда после фальшивой ноты некоторые ковбои в раздражении стреляли по люстрам и бару. Иногда это заканчивалось плачевно для тапера, чьи натруженные руки подпустили петуха. Рикошет, знаете ли...».*

ПРЕДЕЛЫ ВЛАСТИ

Размышления в преддверии выборов

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

С точки зрения политической элиты, бизнесменов и особенно политических наследников Нурсултана Назарбаева президентские выборы породили больше минусов, чем плюсов, больше проблем, чем они предполагали. Поэтому в краткосрочной перспективе для всего властьимущего слоя политических клиентов Нурсултана Назарбаева необходимо срочно снять негативы президентской кампании. Снять их можно было бы через первоочередные и по возможности более или менее честные и справедливые выборы местных органов власти - маслихатов с тем, чтобы обеспечить пока еще контролируемый процесс выборов верхней палаты парламента - сенат.

Придание легитимности деятельности сената могло бы стать прочной основой для последующего более или менее безобдарного существования авторитаризма в Казахстане. Однако, как ни странно, Нурсултан Назарбаев предпочел легитимному сенату наследственный сенат, который будет в сентябре избирать старые маслихаты, срок деятельности которых истек еще в феврале месяце. Парадоксальное решение! Клин клином вышибают. Нелегитимность одного ключевого органа власти подкрепляется нелегитимностью другого основополагающего института власти - сената. Это уже попахивает тотальной нелегитимностью всех ветвей власти.

С точки зрения лично Нурсултана Назарбаева, определенная логика в этом, несомненно, есть: нелегитимность одного института власти должна быть уравновешена нелегитимностью и других институтов власти! Но с точки зрения политической и экономической элиты, и особенно иностранных инвесторов, всеобщая нелегитимность чрезвычайно опасна, она закрепляет в общественном сознании нелегитимность всех институтов власти, а значит и незаконность всякой собственности и богатства. А это прямой подталкивает все общество либо к бунту и революции, либо к перевороту, так это было во многих развивающихся странах, либо к терроризму и тотальной нестабильности. Если режим нестабилен, то тогда общество и отдельные индивиды вправе применять нелегитимные способы борьбы с ним. Нельзя входить в следующее тысячелетие в состоянии тотальной нелегитимности всех институтов власти.

Поразительно, что политическая и экономическая элита, и особенно наследники режима и инвесторы, не понимают этого. Кому хочется жить и работать в стране на грани бунта или перманентной угрозы передела собственности и экспроприации богатства? Поэтому даже самые жесткие режимы в Латинской Америке всегда стремились к той или иной легитимации в более или менее приемлемых для международного сообщества и собственного населения формах. В Казахстане, наоборот, «чем дальше в лес, тем больше дров».

Более всего удивительно другое. Окружение президента не понимает, что легитимный сенат, по сути, все же важнее для самого Нурсултана Назарбаева, и особенно для его наследников, а также всей политической и бизнес-элиты, нежели нелегитимный сенат. Ведь легитимизированный мог бы в дальнейшем легитимизировать самого президента и весь политический режим! Например посредством избрания президента, как это делается во многих странах мира, сенатом или всем парламентом. Но избирая нелегитимный сенат, режим загоняет себя в мышеловку и утрачивает последние реальные возможности легитимизироваться и закрепить нынешнее статус-кво.

Так что весьма поучительный анализ недавних президентских «выборов» в преддверии нынешней избирательной кампании наглядно свидетельствует о том, что принимаемые наверху решения этонтичны, импульсивны, непродуманны и некомпетентны. Более того, они провоцируют нестабильность и чрезвычайно опасны как для всего общества в целом, так и для самой элиты, а особенно для политических наследников и иностранных инвесторов.

В этой связи можно прямо говорить о кризисе прагматизма и системных ошибках интеллектуального окружения президента. Скорее всего это следствие деятельности заезжих гастролеров-имиджмейкеров, больше озабоченных лишь созданием мнимых победы в не думающих о судьбах страны. Большинство из них не представляют не только что такое политические технологии, но и не просчитывают последствия своей деятельности. И при этом абсолютно не знают менталитета и культуры народов Казахстана. Их схематичное мышление недостаточно гибко, чтобы реально и наиболее здекватно выстраивать принятие политических решений.

Еще одним очевидным поражением этих горе-деятелей стало участие в президентских «выборах» сенатора Энгельса Габбасова, который не набрал даже одного процента голосов при всеобщем бойкоте и контролируемом властью избирательном процессе. Думается, что даже «простой человек с улицы», не напрягаясь, получил бы пару процентов голосов без всяких средств и имиджмейкерской кампании.

Пожалуй, единственным исключением из провальной президентской кампании, лишь подтверждающим ее закономерность, стало выдвижение генерала Ганн Касымова. Из радового аппаратчика Касымов неожиданно трансформировался в серьезную политическую фигуру и показал, что он способен играть гораздо более серьезную роль, нежели та, которая ему первоначально отводилась. Прямо в ходе президентской кампании Касымов отказался от роли подставной креатуры, вошел во вкус и показал свой недюжинный потенциал. Джинна выпустили из бутылки. Так что еще неизвестно, в плюсы или в минусы имиджмейкерам президента стоит занести выдвижение таможенного генерала.

Что касается Серикболсына Абдильдина, то его участие в «выборах» было призвано легитимизировать президентство Нурсултана Назарбаева. Свою задачу он не смог выполнить. Спектакль по большому счету не удался. Как личность в как человек Серикболсын Абдильдин проиграл в глазах народа. Хотя ему и удалось притянуть протестные голоса недовольного электората, но скорее всего это произошло по причине не его личных заслуг. Важнее другое. Он сознательно подыгрывал Нурсултану Назарбаеву или искренне верил в свою победу? Поскольку Серикболсын Абдильдин хорошо «поварился» в недрах аппарата и прекрасно знает интриги президентского «двора», то скорее всего второе маловероятно. Трудно сбивнять его и в прямом стоворе. Скорее всего ним преследовались личные интересы и амбиции.

От участия в выборах, как известно, был отстранен единственный реальный оппонент Нурсултана Назарбаева Акжан Кажегельдин. С одной стороны, очевидно, что окружение президента и его наследники чрезвычайно опасаются влияния этой политической фигуры и в любом случае предприняли бы все усилия для того, чтобы отстранить его от участия в «выборах». Но, с другой стороны, удивляет иное: почему сам Акжан Кажегельдин принял участие в деятельности незарегистрированной организации? Ведь это было очевидно опасно. Именно это и стало формальным основанием для его отстранения от участия в президентских выборах. Скорее всего окружение Акжана Кажегельдина не поставило его своевременно в известность об этом. Понятно, что ответственность за эту ошибку должны взять на себя в первую очередь его советники.

Отстранение Акжана Кажегельдина от участия в выборах привело к мощной кампании критики Нурсултана Назарбаева в западных средствах массовой информации и стало поводом для постановки вопроса о нелегитимности всего авторитаризма в Казахстане. Допуск Акежана Кажегельдина, наоборот, снял бы все проблемы. Но страх оказался сильнее прагматизма. Сам Акжан Кажегельдин лишь выиграл от этого решения. Запад и недовольные внутри страны обречены поддерживать Кажегельдина. Чем более нелегитимен режим, тем более легитимен статус Акежана Кажегельдина как политического лидера в изгнании. Чем больше нелегитимный режим преследует Кажегельдина, тем выше его авторитет и влияние.

Когда возникает вопрос о политической фигуре Акежана Кажегельдина, то часто можно услышать досужие слова о том, что он такой же выходец из коридоров власти, как и Нурсултан Назарбаев, что между ними нет никакой принципиальной разницы. Эти сентенции чрезвычайно выгодны нынешнему политическому режиму и подогреваются им. На самом деле личность Акежана Кажегельдина в настоящее время - это ключевая фигура политического процесса в Казахстане. Она символизирует конфликт между некомпетентными и не способными управлять присвоенным ими богатством собственниками и умными и предпринимчивыми менеджерами, наподобие того, что имело место на Западе в 60-70-х гг. Один требуют лишь прибыли и богатства, но не способны сами им рационально распорядиться и не хотят вникать в то, какой ценой они вышибаются из нищего народа. Другие же знают, какой ценой заработывается богатство и что силы народа небеспредельны.

Акежан Кажегельдин символизирует переход от монополии одного человека на власть к двухполюсной политической системе, то есть к политическому рынку. Только при наличии рынка у народа появится возможность ВЫБИРАТЬ своего политического лидера. Выбирая, народ заставит политических лидеров «шевелиться» и хоть что-то делать для него. Не будет рынка - не будет возможности выбирать. Но тогда не будет никакого будущего ни у того. Так что **Акежан Кажегельдин - это ПРАВО НАРОДА ВЫБИРАТЬ!** И дело здесь совсем не в личностных качествах Акежана Кажегельдина, а в том, что он единственная альтернатива Нурсултану Назарбаеву.

Итак, нам предстоят выборы в мажилис парламента. Многие не верят в эти выборы и считают, что власти снова устроят фарс с перевыборами. Да, такая опасность существует, но эти выборы станут перевыборами только в том случае, если наш народ в очередной раз продемонстрирует свою отсталость, глупость и инфантильность. Надо раз и навсегда понять, что **за свои права надо бороться. Если же просто придти к избирательным урнам и проголосовать, то честных и справедливых итогов не жди. Надо обязательно не просто прийти к избирательным урнам, но и самим проконтролировать порядок подсчета голосов и количество пришедших голосовать с тем, чтобы отбить у фальсификаторов из избирательных комиссий и контролирующих их акматов всякое желание заниматься с бюллетенями и итогами выборов. Вот тогда выборы будут честными. Народ должен самостоятельно организовать тотальный контроль в день выборов за их ходом и итогами! Один день честного труда сторонней воздаст всем по заслугам на несколько лет вперед!**

Только в этом случае есть смысл участвовать в выборах оппозиционным политическим силам и обязательно выиграть их. Если народ хочет честный и деловитый парламент, то он обязательно получит его. Но для этого надо серьезно поработать. Способен ли режим противостоять этому? Едва ли. Надо только поранее встать и чаковом в шесть утра взять под свой контрёль все избирательные участки. И не уходить до официального объявления итогов выборов. Нельзя верить тем, кто уже был в парламенте, и тем более не следует за них голосовать. И только тогда появится возможность пресечь коррупцию и всевластие чиновников, предотвратить кризис в экономике и наладить нашу жизнь. Иного не дано.

Нурбулат МАСАНОВ